

УДК 330.8 + 122/129
ББК 87

В. А. ОСТАНИН

Диссипация ресурсов воспроизводства человеческого капитала

Рассматривается человек как существо биологическое, социальное, разумное; показано, что человек в экономике знаний способен творить потенциальную энергию, накапливая и воспроизводя знания, а одновременно – умения, навыки, повышая тем самым свои компетенции во взаимосвязях как с природой, так и обществом, расширенно воспроизводя глобальные риски.

Ключевые слова: энтропия социально-экономических систем, меркантилизм, эффективность воспроизводства, диссипация общественных систем, общественные институты.

V. A. Ostanin

Dissipation of Resources for the Reproduction of Human Capital

The paper dwells on human being as a biological, social, sensible creature which is able to create potential energy by accumulating and reproducing knowledge and at the same time skills and abilities which promote strengthening competencies in connection with both nature and society, as well as universally generating global risks.

Keywords: entropy, mercantilism, reproduction effectiveness, dissipation of social systems, social institutes.

Воспроизводство материальных и духовных благ, независимо от того, имеют ли эти блага общественную природу, являясь неделимыми, или эти блага частные – являются не более как формой окольного производства самого человека, среды его жизнеобитания. Если обратиться к исторически предшествующим моделям материального воспроизводства условий жизнедеятельности человека, то можно отметить, что их наряду с воспроизводством самой жизни человека, как существа биологического и одновременно социального, доминировали концепты материального воспроизводства средств производства и предметов потребления. Выделялись известные в экономической теории две сферы: производства средств производства и производство предметов потребления. В границах первого

подразделения выделялись дополнительно: производство средств производства для производства предметов потребления и производство средств производства для производства самих средств производства.

В старой политэкономической школе воспроизводство человеческой жизни, материальных и духовных условий вообще не рассматривалось. Человек становился как бы «даровым общественным ресурсом», «даром общества», которого можно в лучшем случае обучить профессиональным навыкам уже на этапе зрелости. Сам смысл общественного производства переносился в производство вещей, материальных благ, но опять же – опосредованно через производство богатства, которое выражалось в денежной форме.

Ярким проявлением этого концепта стал меркантилизм. Последний, выражая интересы торгового капитала, производство денег поставил в качестве доминанты всей хозяйственной жизни. Золото меркантилисты фактически отождествляли с сущностью денег.

Критика этой экономической концепции К. Марксом были верна, но только в историческом разрезе. Золото в современных условиях уже не суть деньги, оно есть товар, хотя и особый, выполняющий роль скорее опять же мнимого резерва, который в определенных исторических обстоятельствах может быть обменен на реальные блага.

Возникает необходимость обращения к общеизвестной дискуссии о критике меркантилизма. Источник богатства меркантилисты видели в торговле, которая позволяла осуществлять накопление его в золотых запасах, опираясь при этом на мощь института государства. Золото, как абсолютная форма богатства, запрещалось для его вывоза за границу, для чего следовало вполне естественно ограничивать деятельность как своих, так и иностранных купцов, которые ввозили товары на национальную территорию. Даже переход к зрелой мануфактуре не изменил коренную суть меркантилизма. Деньги как символ экономического могущества, как символ политической власти продолжали быть целью всех хозяйствующих агентов и самого государства. Переход к зрелой фазе развитого меркантилизма не изменил коренную сущность меркантилизма. Изменились лишь формы государственного вмешательства государства в экономику. Система ограничений от форм прямых запретов перешла к более мягким формам: к регламентации внешней торговли, таможенным инструментам, активной денежно-кредитной, торговой политике. И хотя наиболее полезным для общества считалось сословие торговцев, а не производителей непосредственно, суть оставалась прежней. Богатство отождествлялось с золотом, которое выполняло функции денег как средство обмена, накопления резервов. Спецификой обращения денег в эпоху господства меркантилизма объясняется источник прибыли в самом процессе обмена: покупать дешево – продавать дороже, отчуждая тем самым прибыль.

Обращение к истокам и сути меркантилизма в данной статье преследовало лишь одну цель, а именно, показать, что с момента формирования собственно экономической науки экономическое мышление, философское осмысление

сути процессов производства, иерархия целей в общей системе целеполагания свидетельствовала о том, что человек до сих пор остается человеком иррациональным, а не homo economicus, т. е. не человеком экономическим, сколько бы ни употреблялась последняя фраза как общепринятая мантра.

Наши суждения основываются на том, что основополагающие признаки человека экономического, как человека, который поступает рационально, расчетливо, стремящегося к возрастанию своего благосостояния, снижающего риски и неопределенности своего бытия, становятся недостаточными и даже не необходимыми, т. е. случайными. Уже в самом целеполагании любого коммерческого предприятия на первое место выдвигается главная цель – получение прибыли. Сам размер прибыли, связанные с этими постулатами риски, эффективность самого производства могут не более как видоизменяться, но родовые признаки сомнению не подлежат. Прибыль, как основная цель, порождает специфическую логику общественного воспроизводства. Прибыль есть исходное и конечное звено в этой субъектно-объектной логической взаимосвязи и взаимообусловленности.

Соответственно, источник прибыли может раскрываться в человеческой деятельности. При покупке и продаже природных ресурсов в обществе как замкнутой системе не может ничего ни прибавляться, ни убавляться. Недр, ископаемые, как возобновляемые, так и невозобновляемые ресурсы, – есть «даровые силы природы», природой данная потенция. Добыча ресурсов и их продажа с предельно низкой добавленной стоимостью в этом модифицированном, превращенном экономическом сознанием современного homo economicus с его соответствующим целеполаганием и мышлением, становится более экономичным, чем продажа продуктов с более высокой добавленной стоимостью. Более того, сам человек становится придатком, средством в этой системе производства богатства, которое продолжает измеряться деньгами, а сами деньги продолжают оставаться конечной целью всего общественного производства [2].

Великий по своему замыслу кантовский императив – «не относиться к человеку как средству, а относиться к нему как средству и цели одновременно» – остается не понятым и не принятым современной экономической наукой и хозяйственной практикой [3; 4; 6].

Экономические науки, в которых человек рассматривается исключительно как средство, исследует ложные задачи. Эта подмена может быть охарактеризована как симулякр, или знак ложного подобия, или как «модифицированная форма» в целеполагании, если использовать терминологию К. Маркса [2]. В результате общество обнаруживает непроизводительные, не соответствующие его истинным целям растраты природного и человеческого капитала на достижение ложных целей. Этот процесс рассеивания потенциала мы можем определить как процесс диссипации, мера которого может быть выражена в энтропии общественных систем.

Социальные системы являются системами открытыми, которые обладают некоторыми признаками живого организма. Как известно, в закрытых системах энергия распределяется равномерно и вся система стремится к достижению состояния равновесия. В этом случае энтропия становится максимальной. Открытые же социальные системы для своего устойчивого состояния вынуждены поддерживать высокую степень упорядоченности, что выражается одновременно в низкой энтропии. Другими словами, социальные системы должны расходовать свои ресурсы для поддержания упорядоченности, производя отрицательную энтропию, т. е. негэнтропию. Это достигается тем, что на всех уровнях целостной системы воспроизводства индивида, общества, политических и иных институтов в обществе расходуется энергия, совокупный человеческий и общественный потенциал для расширенного воспроизводства как самого человека, так и общественно-политических, этических и иных институтов. В результате мы можем констатировать, что определенная часть человеческого и общественного потенциала рассеивается, или диссипируется.

Следовательно, следует согласиться с доводами Э. Шредингера в той части, что организм, в нашем случае – вся система воспроизводства человеческой жизни, постоянно извлекает упорядоченность из окружения. Это происходит в результате пользования, расходования потенциала с его высокой степенью организации, потребляя ресурсы высшего качества, в том числе созданные не только природой, ее «даровыми силами» для общества, но воспроизведенными самим обществом и человеком на предшествующих этапах [9]. Однако у Э. Шредингера речь идет лишь об органических системах, т. е. организмах биологических. Человек же есть не только существо биологическое, но и социальное, разумное, умелое. Его существенная особенность сводится к тому, что он способен творить нечто большее, чем потреблять, нарушая тем самым как бы все законы природы. Этот механизм творения потенциала из ничего есть механизм креации с его соответствующей для описания креативной логикой. Потребляя ресурсы с высокой степенью организации, упорядоченности система воспроизводит негэнтропию, т. е. снижает тем самым энтропию системы. Однако это только одна сторона процесса. С другой стороны, человек в экономике знаний способен творить потенциальную энергию, накапливая и воспроизводя знания, а одновременно – умения, навыки, повышая тем самым свои компетенции во взаимосвязях как с природой, так и с обществом.

В результате система воспроизводства постоянно подвержена нарастающим тенденциям к разупорядоченности, разрушению прежних структур, порождая при этом риски и неопределенности, которые в глобализирующейся экономике приобретают характер глобальных рисков и глобальных неопределенностей в сфере политики, а также в валютной, кредитной, военной и иных сферах.

Одновременно мы может сделать вывод о том, что сама диссипация потенциала может перекрываться креацией потенциала. Фундаментальное положение термодинамики о невозможности создания «вечного двигателя» может быть справедливым для самой термодинамики, но не срабатывает для современных общественных систем.

Прежде было справедливым утверждение о том, что если в одной какой-либо части прибывает, то в другой – будет убывать, одновременно подвергаясь диссипации при издержках трансформации и трансакциях. Общество будет ускоренно накапливать энтропию, перейдя к новому укладу – экономике знаний. Но и воспроизводство знаний будет требовать все возрастающего потенциала, ресурсов, которые должны направляться в эту область, тем самым компенсируя «старение» ранее накопленного интеллектуального капитала. Амортизация интеллектуального капитала будет поглощать все возрастающие объемы ресурсов. В противном случае в системе будет накапливаться энтропия, что в соответствии с известными законами термодинамики будет означать стремление к загниванию. В деградированных сообществах уже не могут воспроизводиться риски, неопределенности. Все будет предопределено одной тенденцией – затуханием, загниванием, потерей потенциала, наконец, смертью государства, общественной системы. Государства, как и любые организмы, переживают периоды зарождения, расцвета, зрелости, затухания и смерти, т. е. своего ухода с исторической арены [7]. Но воспроизводство не-энтропии порождает риски гибели в результате неумения находить компромиссы в расширенно воспроизводящейся конфликтно-компромиссной системе. Гонка вооружений, развитие интернет-технологий, достижения в геномной инженерии предоставили человечеству огромные возможности, которые все-таки были несопоставимы с затраченными ресурсами. И если уже вести речь об эффективности социально-экономических систем в экономике знаний, то эффективность в своей примитивной модели будет превышать 100%. Это будет результатом креации человеком самого себя и соответствующих развившейся природе общественных институтов.

Диссипация в данной статье понимается как непроизводительная потеря той части производства материальных благ, которая могла бы быть включенной в процесс воспроизводства непосредственно человеческого потенциала. При этом предполагается, что цели материального производства, как такового, детерминированы более фундаментальными целями – воспроизводством человека в обществе, в домашнем хозяйстве. Наибольшее рассеивание потенциала воспроизводства отмечается уже в ложном целеполагании, ошибках в расстановке приоритетов общественного развития. Одновременно и сам человек рассеивает свою потенцию, создавая себе подобных в семейном браке, так и окольно, производя товары, услуги и обменивая их на рынке. Это реализуется в утрате стимулов к воспроизводству семьи, ограничениях государства на рождение детей, естественной убыли населения в результате социальных конфликтов, войн, эпидемий, травматизма, и т. д. Методологические

подходы к эффективности производства должны быть поставлены под сомнение в своей истинности и адекватности процессу воспроизводства человека.

Потери потенциала видятся и в неразвитости социально-экономических институтов, социально-экономическом неравенстве, неэффективной системе аллокации произведенного богатства, в социально-экономических противоречиях собственности в российском обществе на современном этапе. Низкая эффективность общественного производства отражается не только в известных по курсу экономической теории показателях производства, распределения, но и в потреблении произведенного национального продукта.

Сам процесс потребления в домашнем хозяйстве, в обществе, в сфере материального производства товаров, услуг уже мало связан с принципом распределения по труду, по стоимости произведенного продукта. В процесс распределения в масштабе всего общества вносят свои коррективы и иные принципы, например, по внеэкономической власти над произведенным в обществе национальным продуктом, наконец, по капиталу.

В результате избыток средств, направляемый на потребление наиболее богатой частью российского сообщества, не приводит к адекватному возрастанию человеческого капитала, который мог бы стать фактором воспроизводства материального и духовного богатства в обществе. Наоборот, недопотребление в другой части российского сообщества становится сдерживающим фактором роста человеческого капитала, который составляет одно целое с самим человеком [8].

Потребление есть, одновременно, и обратная сторона воспроизводства. Однако рассеивание энергии обнаруживается в результате диспропорции потребления и самовоспроизводства и у граждан, обладающих чрезмерным богатством. Обратной стороной этого же процесса становится утрата, рассеивание потенциала, непроизводительная потеря человеческого капитала.

Воспроизводя условия жизни, человек извлекает из окружающей действительности энергию, воплощенную в природных ресурсах (солнечное тепло, энергия ветра, вода, земля, недра), то, что К. Маркс в свое время назвал «даровыми силами природы» [2]. Одновременно человек существует в определенном социальном окружении, извлекая пользу от сложившихся общественных институтов (государства, системы нравов, морали, системы образования, воспитания, здравоохранения, защиты собственности и жизни и пр. Создание подобных институтов также было связано с растратой жизненных потенциалов народонаселения.

Создание общественных институтов, производство материальных благ, а также обратная их трансформация в потребляемых уже человеком жизненных благ сопряжено с потерями определенной части энергии, производственного и человеческого потенциала. Эти безвозвратные потери, рассеивание, или диссипация, могут быть уменьшены, но избежать их невозможно уже хотя бы потому, что любое производство есть потребление. Обратное тоже справедливо – потребление есть воспроизводство. Важно решить: насколько это

потребление не вырождается в рассеивание потенциала, жизненной энергии человека?

Процесс утраты энергии, производственного и жизненного потенциала человека, общества, которого невозможно избежать, хотя можно изменять в пределах предоставленных возможностей общественными институтами, их зрелостью, их соответствия самой человеческой природе, можно охарактеризовать термином «энтропия». В нашем понимании и трактовании энтропия внешне сводится к потерям, утрате потенциала, капитала в производстве условий жизни в домашнем хозяйстве, околном производстве материальных благ, даже если последние выражены в средствах производства для производства средств производства и предметов конечного потребления человеком. Но тогда естественно следует вывод, что эта диссипация – утрата потенциала, ресурсов, – есть необходимое звено в воспроизводстве человека.

Сам же человек есть живой организм, как и общество, государство. Жизнь, по Э. Шредингеру, есть упорядоченное и закономерное поведение материи [9]. Этот процесс отражает две стороны тенденции, а именно, переход от упорядоченности к неупорядоченности, а также одновременно систематическому поддержанию упорядоченности. Организм как живое образование стремится поддерживать себя на достаточно высоком уровне упорядоченности, что одновременно означает достижение достаточно низкого уровня энтропии. Следовательно, жизнебытие живого организма есть постоянное извлечение упорядоченности из окружения. Применительно к нашим суждениям речь идет о том, что личность, обладающая волей, относительной свободой, располагая ресурсами, непрерывно извлекает упорядоченность, находясь под воздействием различных общественных институтов как ограничителей. Люди в течение своей жизни потребляют высокоорганизованные, высшего порядка ресурсы, ранее накопленные поколениями, которые материализовались в институтах государства, этики, морали, нравах, правилах совместного общежития, по преподобному Серафиму Саровскому.

Отдает же он при этом отходы своей жизнедеятельности с низкой их структурой и организацией, усваивать которые в лучшем случае могут только растения. В результате, как отмечал Э. Шредингер, всё, что происходит в природе, означает увеличение энтропии в той части Вселенной, где это имеет место. Так и живой организм непрерывно увеличивает свою энтропию или производит положительную энтропию и, таким образом, приближается к опасному состоянию – максимальной энтропии, представляющей собой смерть. Он может избежать этого состояния, т. е. оставаться живым, только извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию [9].

Отрицательная энтропия здесь может быть представлена как неизбежное при производстве, расходовании или диссипации. Она как бы ограничивает живой организм, упорядочивая его структуру и протекание жизненных процессов. Производить условия жизни здесь следует понимать как потребление околных благ. Последнее обеспечивает возможность произвести истинное

благо – человеческую жизнь в своих бесконечно богатых и возрастающих потребностях.

Когда человек употребляет в пищу продукты, выращенные на земле, то здесь имеет место естественный процесс переноса энергии от источника, например, зернового хлеба, через сложные процессы пережевывания, переваривания пищи и превращения ее в тепло, которое выделяется, согревая человека и теряясь при этом. В качестве полезного, например, при работе мышц, остается не более 10% от первоначальной энергии, которая была в пищевом зерне. Это свидетельствует о том, что всегда снижается экологическая энергетическая пирамида.

Реальная социально-экономическая система является открытой системой, в которой эти потери не локализуются и не могут превращаться в энергию производства человеческого капитала, они теряются безвозвратно. Так как любая экономия в общественных системах может быть сведена в конечном счете к экономии времени, то потери ресурсов всегда распределены в пространстве и времени. Это может быть одновременно выражено в утрате потенциала человека как главной производительной силы общества. Сжатие производительно использованного времени есть одновременно сжатие социально-экономического пространства жизни человека. Последнее свидетельствует об отклонении от проявления всеобщего закона экономии времени. В нашем случае это рассеивание, потеря, сжатие жизненного пространства-времени человека.

Эти тенденции проявляются одновременно. Потеря ресурсов, их рассеивание загрязняет жизненное пространство. Ликвидация нежелательных последствий от загрязнения среды жизнеобитания человека ведет опять же к потере времени. Это рассеивание жизненного пространства-времени в открытых системах, с одной стороны, может приводить к уменьшению энтропии социально-экономической системы. С другой стороны, социально-экономическое сообщество получает энергию, которая дается человеку самой природой, которую можно охарактеризовать как даровую силу природы. Однако все возрастающее значение начинает приобретать тот потенциал, который раскрывается в самовоспроизводстве человеческого потенциала как бы из ничего. Это проявление положительного эффекта в расширенном воспроизводстве человека есть сам человек, который вступил в новый технологический уклад, в новую экономику. Последнюю можно охарактеризовать как экономику знаний, информационную экономику. Именно знание способно творить потенциал воспроизводства из самого знания, многократно усиливая синергетические эффекты в экономической среде. Человек здесь уподобляется Творцу. Знание не может существовать вне человека. Знание, по К. Марксу, – есть осознанное бытие (или *das Bewusstsein* – нем.). Рассматриваемое вне человеческого сознания и осмысления им знание есть не более как информация, которая может находить формы своего бытия вне человека, являясь объективной его стороной.

Творение человеческого потенциала, которому можно присвоить термин «креация», формирует обратную тенденцию – возрастание энтропии в обществе, что приводит одновременно к росту неопределенностей в самом развитии социально-экономических сообществ. Рассеивание энергии человеческих сообществ, тем не менее, преодолевается гораздо более мощными процессами возрастания производительной мощи общества за счет все в большей мере извлечения потенциала из факторов, которые даны как самой природой, так и бурно развивающимися в обществе науки и социальными, политическими и иными общественными институтами.

Этот процесс можно по аналогии охарактеризовать как процесс воспроизводства энтропии социально-экономического сообщества. И хотя в этом процессе принимают участие «даровые силы природы», тем не менее основным источником расширенного воспроизводства энтропии становится сам человек, который вошел в новую экономику – экономику знаний, информационную экономику. Нарастание этого процесса начинает ускоряться в постиндустриальной экономике с соответствующими институтами. Собственно, самовоспроизводимая энтропия через человека и посредством человека логически отражает невозполнимые потери общества в силу перевоспроизводства вещей, которые лишь отчасти способны оказать влияние на обратный процесс – воспроизводство человека и его человеческого капитала. В целом общество начинает в большей степени получать положительный эффект от привлеченных ресурсов. Однако неразвитость институтов собственности, политических институтов, огромного размера социально-экономического неравенства приводит одновременно ко все возрастающим потерям и распылению производительного потенциала. Собственно, потенциал даже не сохраняется, скорее он не превращается в факторы, или в движущую силу.

Общество следует рассматривать как живой организм, в котором нет частей, а есть органы. Органы не могут иметь обособленных от организма интересов в своем исключительно расширенном воспроизводстве. В современной экономике знаний и информации общество может наращивать свою энтропию, т. е. воспроизводя ее. Другими словами это можно выразить следующим образом. Если целью системы в целом становится извлечение прибыли, что неизбежно приводит к исчерпанию ресурсов и загрязнению окружающей среды, то это общество обречено на риск приближения к максимуму энтропии, т. е. коллапсу системы. Выход можно найти в извлечении из общества и природы отрицательной энтропии, например, в форме самоограничения производства и связанного с этим загрязнения среды жизнеобитания человека, самоограничения потребления, более эффективной аллокации ресурсов, более равномерного распределения богатства в обществе.

Этот путь есть путь, который лишь частично разрешает проблему. Аллокация богатства всегда, в том числе и в настоящий момент, становится проблемой как теории, так и практики. Фактически речь идет об ограничении энтропии общественных систем, или одновременном воспроизводстве

негэнтропии. Последнее, по Э. Шредингеру, объясняется тем, что живой организм экспортирует энтропию, чтобы его собственная энтропия оставалась на низком уровне, или общественная система, как живой организм, импортирует негэнтропию, чтобы сохранить свою жизнеспособность. Производство потребляет ресурсы, оно не может не потреблять, ибо по определению производство есть потребление, расходование [6].

Последнее есть отрицательная энтропия, или негэнтропия, или состояние, отражающее потребление, поглощение, наконец, диссипация энергии, потенциала, ресурсов. Усваивая в потреблении высокоразвитые институты общества, а не игнорируя их, ускоренно наращивая потребление производственных ресурсов или жизненных благ человеком эти общественные социально-экономические системы только и могут существовать. Тем самым расходование, потребление, как и рассеивание потенциала, позволяет снижать уровень энтропии, которую воспроизводит сама система, окольно воспроизводя саму систему жизнеобеспечения человека.

Следовательно, воля к власти денег формирует сегодня порочный круг социально-экономического развития, безудержно создавая условия для коллапса, гибели системы [5]. Подобная постановка проблемы позволяет выработать иные методологические подходы к оценке эффективности всего общественного производства. Существующие современные подходы уже изначально будут отягощены отмеченным методологическим изъяном. При этом речь уже не идет только о чрезмерном увлечении накопительством за счет привнесения в жертву текущего потребления и ложной экономии ресурсов на расширенное воспроизводство человеческого капитала. Чрезмерный аскетизм и самоограничение в потреблении не позволил реализоваться модели более укоренного развития человеческого потенциала. Даже уже накопленный человеческий и денежный потенциал так и остался в качестве потенциала, а не действительного фактора расширенного воспроизводства человека и условий его материального и духовного бытия. Как отмечал по этому поводу Ж. Бодрийар, уже двадцатый век преподавал ценный исторический урок ничемности традиционной морали и экономического расчета [1]. Целые поколения людей, которые стремились жить по средствам, в результате оказались на более низком уровне жизни, чем позволяли для этого ранее накопленные ими средства. Это накопленное богатство в виде сохранившихся вещей, идей, привычек реально стало источником сознательной диссипации человеческого потенциала.

Если вести речь о рассеянном человеческом и материальном потенциале, одновременно соотнося технику и вещи с богатством в виде денег-вещей, то следует дополнительно отметить раздвоение истинно человеческого и функционального, которое будет уже противоречить первому. «Человеческое, слишком человеческое, и функциональное, слишком функциональное, действуют в тесном сообщничестве: когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно

оказывается проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло. Мы более восприимчивы к нарушению человеческих отношений из-за абсурдно-тоталитарного вторжения в них техники, зато менее восприимчивы к нарушению технической эволюции из-за абсурдно-тоталитарного вторжения в нее человеческих факторов» [1].

Таким образом, миф о разумности современного экономического бытия, построенного на функциональной целесообразности денежного богатства, есть выражение непрактического императива, в разумности которого совершенно не сомневается современная экономическая наука. Давление догм старого меркантилизма, мануфактурного производства, современных теорий капиталистического уклада продолжают оказывать влияние на экономическое поведение и теоретическое обоснование существующей хозяйственной практики. Ното есоnотісис как в экономической теории, так и в хозяйствующей практике оказался далеко не рациональным по своим результатам хозяйствования.

Преодоление исторически сложившихся еще в теории меркантилизма отношении к деньгам как богатству, а к торговле как источнику этого богатства не было преодолено последующими этапами развития экономической теории.

Список литературы

1. Бодрийар Ж. Система вещей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/baudrillard-le-systeme-des-objets-8l.pdf>
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/>
3. Останин В. А. Деньги в концепции теории социального поля // Вестник ХГАЭП. 2010. № 2 (47).
4. Останин В. А. Воля к власти денег как ложная парадигма развития мировой экономики // Экономические парадигмы развития Дальнего Востока 21 веке: матер. конф. ДВФУ. Владивосток, 2011.
5. Останин В. А. Философия присвоения: монография. Владивосток: ВФ РТА, 2012.
6. Останин В. А. Собственность: противоречия присвоения (проблемы теории и методологии): монография / Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. Владивосток: РИО ВФ РТА, 2015. 204 с.
7. Останин В. А. Общая и частная экономическая политика государства: проблемы взаимоотношения и взаимообусловленности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (65).
8. Останин В. А. Монопольная власть как продукт эволюции конкурентного рынка // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 46–55.
9. Шредингер Э. Что такое жизнь? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/24856464/?page=12>